

Е. М. Напольнова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВКЛЮЧЕНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ В ЛИЧНУЮ СФЕРУ ГОВОРЯЩЕГО В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Каждый язык обладает системой средств, отражающих взаимные позиции коммуникантов и характеризующих социальную дистанцию между собеседниками. Цель исследования, проведенного на материале примеров из разговорного турецкого языка (ТЯ), зафиксированных автором, состоит в определении набора языковых средств включения собеседника в личную сферу говорящего в ТЯ. Теоретически значимой задачей является включение соответствующих данных в лингво-типологические исследования. В качестве обращений в ТЯ используются личные имена, аппеллятивы и (псевдо)термины родства. В рамках системы языковых средств эгоцентрического структурирования окружающего социального пространства основным средством включения присутствующего в сферу говорящего в ТЯ является использование в обращениях посессивного показателя 1 л. ед. ч. (*мой*). Обращения к младшим состоят из их личного имени или (псевдо)термина родства и посессивного показателя 1 л. ед. ч. Использование посессивного показателя 1 л. ед. ч. при обращении к старшим возможно при условии использования уменьшительного показателя. Обращение к старшим по возрасту с использованием только личного имени невозможно. Местоимение *ты* используется в отношении широкого круга лиц и не может считаться средством включения собеседника в личную сферу говорящего. Инструментом сознательного исключения присутствующих из личной сферы говорящего является использование в отношении них указательного местоимения 3 л. *ш*. Несмотря на специфику набора языковых средств включения окружающих в личную сферу говорящего в ТЯ, общая ситуация полностью соответствует ее определению, предложенному Ю. Д. Апресяном.

Ключевые слова: *формы обращений в турецком языке, личная сфера говорящего, турецкие личные местоимения, языковые средства структурирования социального пространства.*

Е. М. Napolnova

LANGUAGE TOOLS TO INCLUDE OTHERS INTO PERSONAL SPHERE OF THE SPEAKER IN TURKISH

*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Abstract. Each language has a culturally specific system of tools that reflect the mutual positions of communicants, including tools that characterize the social distance between interlocutors. This investigation was conducted on the example material from conversational Turkish Language recorded by the author. Its purpose is to determine a set of linguistic tools that allows the inclusion of the interlocutor in the speaker's personal sphere in Turkish. Theoretically, it is important to include relevant data in linguistic and typological studies. Personal names, appellatives, and (pseudo) kinship terms are used as addresses in Turkish. Within the system of language tools of egocentric structuring of the surrounding social space, the main tool of including of a person into the sphere of the speaker is the possessive suffix of 1 Pers. Sing. ("my") in various types of addresses. For younger recipients the suffix "my" is used with their personal name or (pseudo) kinship term. The inclusion of senior recipients in the personal sphere of the speaker using

the possessive suffix “my” is possible with the preliminary use of the diminutive suffix. Addressing senior recipients through the usage of their personal names is not possible. The pronoun *sen* “you” (Sing.) cannot be considered as a tool of including the interlocutor in the personal sphere of the speaker, since it is used in relation to a wide range of people. The tool for deliberately excluding those present from the speaker’s personal sphere is the use of the demonstrative pronoun of 3 Pers. *şu*. Despite the specific set of language tools of incorporating other persons into a personal field of speaker in Turkish, the overall situation is in line with the definition proposed by Yu. Апресян.

Keywords: *address forms in Turkish, personal sphere of the speaker, personal pronouns in Turkish, language tools of structuring of social space.*

Введение. Каждый язык обладает специфическим набором средств структуризации окружающего пространства, понятных всем носителям этого языка и формирующих в их сознании единую картину мира, необходимую для адекватной коммуникации внутри культурно-языкового сообщества. Важную часть этой системы составляют средства, характеризующие социальную дистанцию между собеседниками, представленные разнообразными моделями поведения и языковыми клише, которые отражают свойственные для этой культуры правила и нормы и касаются, среди прочего, формы обращений, титулований, поздравлений и т. д. Их присутствие в языке связано с «оценочной интерпретацией», которая «предполагает схематизацию опыта познания объектов и событий в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры» [2, с. 5–12].

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возросшим интересом к анализу речевого поведения носителей разных культур, необходимостью выявления специфики тюркских языков и включения результатов в типологические исследования.

Материал и методы исследования. Исследование основано на более чем 20-летних наблюдениях автора за повседневным языковым поведением носителей турецкого языка (ТЯ). Основным методом исследования является контрастивно-прагматический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Ввиду неизбежной эгоцентричности восприятия индивидуумом окружающей действительности важным с точки зрения степени дистанцированности собеседников фактором являются представления о личной сфере человека. Как показывают многочисленные психологические, социологические, когнитивные исследования, размеры такой зоны существенно различаются в разных культурах. Такая зона именуется «пространством действия индивида» [11, с. 146], «пространством говорящего» [12, с. 28], [4, с. 115], «перцептуальным пространством говорящего» [8], «сферой обладания или контроля» [13, с. 317]. Ю. Д. Апресян обращает внимание на подвижность границ личной сферы говорящего: «в эту сферу входит говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально; некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней единое целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании. Личная сфера говорящего подвижна – она может включать большее или меньшее количество объектов в зависимости от ситуации. В частности, в некоторых случаях она расширяется настолько, что в нее входят и незнакомые говорящему люди ...» [1, с. 645–646]. Среди средств включения окружающих в личную сферу говорящего в русском языке Ю. Д. Апресян рассматривает местоимение *ты*, звательные формы (*Маш, Коль, мам*), псевдоинклюзивные глагольные формы 1 л. мн. ч. (например, ребенку: *Почему мы не кушаем?*).

Формирование культурно-специфических систем включения окружающих в личную сферу говорящего определяется культурными и социально-историческими факторами.

Наличие во многих современных языках двух личных местоимений 2 л. – *ты* и *вы*, используемых по отношению к собеседнику, восходит к латинскому языку [6, с. 55]. Несмотря на близость культур многих современных европейских народов, соотношение фамильярности и уважительности в местоимениях *ты* и *вы* может в них существенно различаться: в немецком *ты* используется в качестве обращения к людям, с которыми говорящий хочет обращаться как с людьми, которых он хорошо знает [3, с. 687]; в испанском условия выбора *ты* и *вы* различны даже в европейском и латиноамериканском вариантах языка; английский полностью утратил древнее *thou* ‘ты’; в шведском *ты* стало нормой даже в формальном и официальном стиле и в качестве стратегии позитивной вежливости [6, с. 57].

Распространенность обращений с использованием личного имени адресата в европейской культуре связана с христианскими традициями имянаречения. В восточных культурах обращения отражают собственную, исторически обусловленную специфику социальной структуры общества [5, с. 115–117].

В ТЯ основным средством включения любого объекта в сферу любого лица являются *личные посессивные показатели*, использование которых обязательно во многих случаях, когда, например, в русском «обладание» может определяться контекстуально, например:

(1) *Baba-n yarın gel-ecek* (устн.)
отец-POSS2SG завтра приехать-FUT
Paşa gelecek (букв. ‘твой папа’).

С помощью посессивных показателей может выражаться и отношение человека к различным сущностям, например к Богу, «покровительством которого пользуется человек»:

(2) *Allah-ım ne-dir günah-ım?* (песня)
Аллах-POSS1SG что-IND грех-POSS1SG
‘Аллах, в чем мой грех?’

(3) *Tanrı-m ben-i baştan yarat* (песня)
Бог-POSS1SG я-ACC заново создавать
Hocum, benim için yarat!

Посессивные показатели 1 л. ед. ч., как это показано ниже, могут использоваться также в обращениях.

Личное имя для турок на протяжении всей истории заключало в себе особый смысл: существовали имена-пожелания, имена-обереги, прозвища, которые присваивались в процессе обрядов имянаречения и инициации [9, с. 233–242]. Древние тюркские верования и традиции имянаречения предписывали скрывать данное при рождении личное имя человека во избежание влияния злых духов. В современной Турции эти древние традиции отчасти утрачены, однако, обладая «памятью», язык на коммуникативном уровне в определенной степени сохраняет древние подходы. При огромном количестве турецких личных имен (в [14] зафиксировано 3612 женских и 7230 мужских) в качестве обращений они несут меньшую коммуникативную нагрузку, чем это имеет место, например, в русском, и обладают также меньшим количеством форм: усеченная форма используется крайне редко. Общепринятый сокращенный вариант имеет ограниченное количество имен: *Fiko* от *Fikret*, *İbo* от *İbrahim*, *Apo* от *Abdullah*. Источником такой модели сокращения турецкого личного имени являются личные имена некоторых национальных меньшинств имен с ауслатным *-o* (*Niso* (муж., еврейское), *Yorgo* (муж., греческое), *Apo* (муж., курд. ‘дядя’). В языке молодежи наблюдается вызывающая много критики [10] тенденция к использованию усеченных форм имени (в том числе и при самопредставлении), подавляющее большинство которых, однако, не является общепризнанным, иногда с трудом соотносится с полным именем и функционально сопоставимо с русскими кличками.

Главным образом в фамильярно-жеманной женской речи можно наблюдать тенденцию к обращению к лицам из близкого окружения с использованием личных имен

с показателем *-ış/-iş/-oş/-uş/-üş*, присоединяемым к усеченной основе (*Feriş* от *Feriha*) и сопоставимым с русскими уменьшительными суффиксами *-чка, -енька*.

Таким образом, использование модифицированных личных имен в качестве обращений в ТЯ представляет собой достаточно новое языковое явление и носит выборочный характер. Они могут носить не уменьшительно-ласкательный, а фамильярный, вульгарный, иногда уничижительный характер и имеют этно- или социально дифференцирующую окраску. Тем не менее использование видоизмененных форм личного имени позволяет рассматривать их как одно из средств включения их обладателей в личную сферу говорящего.

Стандартные экспрессивные формы личных имен могут образовываться с помощью уменьшительного показателя *-cik/-cık/-çik/-çık* в обязательном сочетании с посессивным показателем 1 л. ед. ч.: *Mehmet-çiğ-im* (Мехмет-DMN-POSS1SG) букв. 'Мехмед-ушка-мой'. Частотность их употребления в речи достаточно низка и полностью соответствует формуле, предложенной А. Вежибичкой: «я хочу говорить с тобой так, как говорят с ...» [3, с. 89–200]. Например, высказывание

(4) *Aslı-cığ-im ben-i yanlış*

Аслы-DMN-POSS1SG я-ACC неправильно

anla-dı-n galiba (устн.)

понимать-PST-2SG наверное

Дорогая моя Аслы, ты меня, наверное, неправильно поняла

может выражать симпатию, непонимание, недовольство, извинение, сожаление, желание привлечь внимание и другие эмоции, т. е. присутствует интенция говорящего, направленная на сближение с адресатом ради решения собственной прагматической задачи.

Кроме этого, важно, что обращение, состоящее только из личного имени, стандартно может быть адресовано только лицам младше обращающегося и только в сочетании с личным местоимением *ты*. Например, мы зафиксировали недовольство обращением по имени к старшему по возрасту, выраженное им словами «Ты что, видел, как я родился?».

Кроме личного имени широко распространено обращение к родственникам с использованием терминов родства, что обусловлено поздним началом процесса урбанизации в Турции. Обращение к младшим родственникам возможно вне зависимости от фактической степени родства с использованием ограниченной группы терминов родства в сочетании с показателем посессивности 1 л. ед. ч., например: *oğl-um* (сын-POSS1SG) – при обращении к значительно более младшему по возрасту родственнику, *kardeş-im* (младший. брат / младшая. сестра-POSS1SG) – при обращении к адресату, несколько младшему обращающегося.

В качестве обращений к старшим родственникам используется более широкий спектр терминов родства, но в основной форме и, при необходимости, в сочетании с именем родственника: *abla* 'старшая сестра' или *Fatma abla* – обращение к старшей сестре или старшей родственнице по имени Фатма; *amca* 'дядя по отцу' или *Mehmet amca* – обращение к брату отца или старшему родственнику по имени Мехмет. Использование термина родства с показателем посессивности при обращении к старшим родственникам также возможно, но, что важно, *только* после показателя уменьшительности: *abla-cığ-m* (старшая. сестра-DMN-POSS1SG) букв. 'старшая сестр-ичка-моя'.

По той же схеме, что и к родственникам, осуществляется наиболее распространенное на бытовом уровне обращение к незнакомым лицам. Наиболее коммуникативно действенным из такого рода обращений является *abi*, сокращенное от *ağabey* 'старший брат', по отношению к любому лицу мужского пола старше говорящего. Значимо, что все обращения с использованием терминов родства стандартно сочетаются с местоимением *ты*.

Причины использования разных моделей обращения к старшим и младшим родственникам и лицам из бытового окружения хорошо объяснимы исходя из определения

личной сферы говорящего Ю. Д. Апресяна: «требующие покровительства и защиты» младшие родственники «присваиваются» автоматически путем присоединения посессивного показателя непосредственно к основе слова, а для «присвоения» старших родственников соответствующие термины родства должны сначала присоединить показатель уменьшительности, за счет чего достигается эффект их «уменьшения» и включения в категорию «защищаемых» [1].

В отношении незнакомых лиц из бытового окружения в сочетании с терминами родства посессивный показатель используется в этом случае значительно реже, но в определенных ситуациях личная сфера расширяется настолько, «что в нее входят и незнакомые говорящему люди». Это, как и в (4), имеет прагматическую направленность, например, в обращении за милостыней к прохожему:

(5) *Abi-ciğ-im* *ne-ol-ur* *ban-a*
 старший. брат-DMN-POSS1SG что-быть-AOR я-DAT
yardım AUX (устн.)
 помощь et

Дяденька, помоги, ну что тебе стоит!

Исторически существовавшие ограничения на использование личного имени в качестве обращения привели к формированию в ТЯ значительного количества специальных слов-обращений: *can-im* (жизненная сила-POSS1SG), *hayat-im* (жизнь-POSS1SG), *güzel-im* (красивый-POSS1SG) (только к женщине), *gül-üm* (роза-POSS1SG) (только к женщине) и др. Для языка женщин характерно использование в качестве обращений названий сладостей: *şeker-im* (сахар-POSS1SG), *tatlı-m* (сладкий-POSS1SG). Существует значительное количество слов-обращений к друзьям и подругам: *arkadaş-im* (товарищ-POSS1SG), *dost-um* (друг-POSS1SG), *kanka* ‘кореш, близкий друг’ (редко: ‘близкая подруга’), *aga* ‘друг’ (древне-тюрк. ‘отец, дядя, старший родственник’ [9, с. 545] отмечено также из уст женщины в форме с посессивным показателем 1 л. ед. ч. как обращение к сыну – *aga-m*), *moruk* ‘старик’ (зафиксировано из уст мужчины при обращении к близкому другу также с уменьшительным и посессивным показателями – *moruk-çığ-um*), *birader* ‘брат’ (от перс.). Имеется ряд стандартных обращений к представителям отдельных профессий: *öğretmen-im* или *hoca-m* (учитель-POSS1SG), *usta* ‘мастер’, *kapitan* ‘капитан’ (обращение к водителям общественного транспорта). Слова-обращения с посессивным показателем 1 л. ед. ч. значительно более характерны для женщин (ср., например, *aga* и *aga-m*). Ввиду значительной дистанционированности человека от животных в турецкой культуре из названий животных стандартно использование по отношению к детям *kuzu-m* (ягненок-POSS1SG) – обычно ласкательно и, соответственно, с посессивным показателем; редко – *sıra* ‘ослепок’ – обычно иронично и без посессивного показателя. За исключением обращений к учителю использование слов-обращений предопределяет употребление местоимения *ты*.

Можно услышать обращение к знакомому или незнакомому лицу с использованием посессивного показателя 3 л.: *anne-si* (мама-POSS3SG) ‘его мама’ – в качестве обращения к матери какого-либо ребенка (сравнимо с русск. обращениями *мамочка*, *мамаша*, возможными по отношению к матерям чужих детей), *abla-si* (старшая.сестра-POSS3SG) ‘его старшая сестра’ – по отношению к незнакомым женщинам, несколько более старшим обращающегося. За счет этого приема адресат обращения, очевидно, выводится за пределы личного пространства обращающегося.

Условием использования местоимения *вы* является сочетание с официальными обращениями *bay*, *bey*, *bey-efendi* (от греч. ευγενής ‘благородный’) ‘господин’, *bayan*, *hanım*, *hanım-efendi* ‘госпожа’ и *sayın* ‘уважаемый/-ая’. Османские обращения к незнакомым людям *bey-efendi* ‘господин’ и *hanım-efendi* ‘госпожа’ адресуются незнакомым лицам и, соответственно, используются изолированно. Наиболее употребительные в повседневной

речи обращения *bey* ‘господин’ и *hanım* ‘госпожа’ этимологически являются тюркскими лексемами и стандартно используются в постпозиции к личному имени или профессии: *Ahmet bey* ‘господин Ахмет’, *Ayşe hanım* ‘госпожа Айше’, *şoför bey* ‘господин шофер’, *doktor hanım* ‘госпожа врач’. В противоположность им наиболее формальные обращения *bay* ‘господин’, *bayan* ‘госпожа’ и *sayın* ‘уважаемый’ используются в препозиции к фамилии или имени и фамилии (*Bay (Ahmet) Demir*, *Sayın (Ahmet) Demir*), являются неологизмами, которые были искусственно созданы в 20-х гг. прошлого века в связи с введением в Турции института фамилии и адресуются лицам в официальной обстановке. По нашим наблюдениям, еще в начале XXI в. иностранные личные имена, в противоположность тюркским, при обращении использовались исключительно в сочетании с «официальными» *bay* и *bayan*.

Таким образом, местоимение *ты* в ТЯ не носит уничижительного или фамильярного характера, а также не включает адресата в личную сферу говорящего. Его использование является языковым указанием на принадлежность коммуникантов к единой социальной среде. Ситуация с использованием *ты* в ТЯ близка к описанной выше шведской в том смысле, что обращение на *ты* допускается даже в формальной ситуации и «сближает» коммуникантов, однако продиктована она иными культурными причинами.

Средством включения собеседника в личную сферу говорящего в ТЯ следует считать посессивный показатель 1 л. ед. ч., при необходимости – в сочетании с уменьшительным показателем. Сюда же попадают и стандартные экспрессивные формы личных имен, так как в их состав обязательно входят уменьшительный и посессивный показатели. Можно также утверждать, что причиной наблюдаемого активного развития модифицированных личных имен является потребность в новом языковом средстве, которое исполняло бы функцию сближения коммуникантов в условиях прогрессирующих изменений социальной структуры общества под влиянием глобальных внешних факторов.

Языковые средства включения говорящим окружающих в личную сферу в ТЯ являются частью системы структуризации социального пространства, в рамках которой говорящий позиционирует себя через выбор личных местоимений 2 л. *ты* и *вы* в совокупности с привязанным к ним формам обращения. Важно, что за счет использования разных форм обращений по отношению к старшим и младшим адресатам в бытовом окружении говорящего присутствует не только «горизонтальное», но и «вертикальное» членение, исходя из относительного возраста говорящего и адресата обращения.

Как отмечает Ю. Д. Апресян, «естественный язык располагает, конечно, и средствами исключения объектов из личной сферы говорящего» [1, с. 294], в связи с чем в ТЯ следует рассматривать роль указательных местоимений. В ТЯ имеется три указательных местоимения – *bi*, *şu*, *o*. В дейктической ситуации в отношении неодушевленных объектов *bi* указывает на расположение объекта в «личной сфере говорящего и в поле его зрения – «этот»; *şu* указывает на расположение объекта вне личной сферы говорящего, несмотря на относительную близость объекта к говорящему (Я), что полностью соответствует указанию Ю. Д. Апресяна о подвижности границ личной сферы говорящего – «этот» / «вот этот» / «тот»; *o* указывает на расположение объекта вне личной сферы говорящего и на относительную удаленность объекта от говорящего или на расположение его в пространстве собеседника – «тот». *O* является также стандартным местоимением 3 л. ед. ч. в отношении лиц обоего пола и неодушевленных объектов. Специфика местоимения *şu* заключается в том, что с его помощью может подчеркиваться отрицательное отношение говорящего к объекту, который находится у него в руках или на нем, что наглядно выражается невербально: *şu* часто сопровождается жестом, в том числе отстраняющим объект от говорящего [7, с. 69].

Использование указательных местоимений *bi* и *şu* возможно также в отношении присутствующих лиц, младших по возрасту или низших по социальному положению. При этом

bi содержит лишь указание на более низкий статус лица, находящегося в непосредственной близости к говорящему, а *ʒi* используется для выражения иной интенции говорящего в отношении присутствующего, например, как при положительной, так и при отрицательной оценке действий или внешнего вида младшего по возрасту или социальному статусу адресата, от которого говорящий как бы отстраняется, несмотря на пространственную близость:

(6) *ʒu-na bak-ar tu-sin!* (устн.)
этот/тот-DAT смотреть-AOR Q-2SG

Ты только посмотри на него! (например, о ребенке: *какой он красивый, умный!* и т.д. или *какой он безобразник!*; в отношении взрослого: *ты только послушай, что он говорит!*).

Таким образом, *ʒi* является специфическим языковым инструментом выражения отстраненности говорящего от неодушевленного объекта или лица, находящегося в непосредственной близости, т. е. выводит их из личной сферы говорящего.

Выводы.

1. В ТЯ имеется система языковых средств эгоцентрического структурирования окружающего социального пространства, фиксирующая позицию говорящего по отношению к адресату обращения, в том числе с учетом соотношения их возрастов.

2. Основным средством включения присутствующего в сферу говорящего является использование посессивного показателя 1 л. ед. ч. в обращениях разного типа. В отношении младших адресатов, требующих «покровительства и защиты» говорящего, посессивный показатель 1 л. ед. ч. используется с их личным именем или (псевдо)термином родства. Включение старших адресатов в личную сферу говорящего с использованием посессивного показателя 1 л. ед. ч. требует использования уменьшительного показателя.

3. Использование посессивного показателя 1 л. ед. ч. при обращении к Богу продиктовано тем, что говорящий подчеркивает собственную зависимость от защиты и поддержки высших сил.

4. Местоимение *ты* не может считаться средством включения собеседника в личную сферу говорящего, так как используется в отношении широкого круга лиц.

5. Инструментом сознательного исключения присутствующих из личной сферы говорящего является использование в отношении них указательного местоимения 3 л. *ʒi*.

6. Несмотря на специфику набора языковых средств включения окружающих в личную сферу говорящего в ТЯ, общая ситуация полностью соответствует ее определению, предложенному Ю. Д. Апресяном.

ГЛОССЫ

ACC – винительный падеж (аккузатив); AOR – аорист (настоящее-будущее время); AUX – вспомогательный глагол; DAT – дательный падеж (датель); DMN – показатель уменьшительности; FUT – будущее время; IND – изъявительное наклонение; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; PST – прошедшее время; SG – единственное число; 1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 629–650.
2. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1 (042). – С. 5–12.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – 411 с.
4. Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 160 с.
5. Кронгауз М. А. Семантика. – М. : Академия, 2005. – 398 с.
6. Линевиц Н. Ю. Местоименные обращения в шведском и английском языках // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 2. – С. 54–58.

7. *Напольнова Е. М.* Указательные местоимения в турецком языке // Урало-алтайские исследования. – 2014. – № 1(12). – С. 67–74.
8. *Попова М. И.* Языковые средства включения/исключения объекта описания из перцептуального пространства говорящего // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т. 14, № 2. – С. 40–48.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо. – М. : Наука, 2006. – 557 с.
10. *Atkaya K.* İsim kısaltmaları kaşındırıyor. – URL : <http://www.hurriyet.com.tr/isim-kisaltmalari-kaşındırıyor-10844765>.
11. *Boesch E.* Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. – Berlin : Springer-Verlag, 1991. – 380 p.
12. *Clark H.* Space, time, semantics, and the child // Cognitive development and the acquisition of language / Ed. by T. E. Moore. – N. Y. ; London : Academic Press, 1973. – P. 27–63.
13. *Newman J.* The linguistics of giving. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – 373 p.
14. Türk Dil Kurumu. – URL : <http://www.tdk.gov.tr>.

Статья поступила в редакцию 15.02.2021

REFERENCES

1. *Apresyan Yu. D.* Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira // Izbrannye trudy. T. 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. – M. : Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1995. – S. 629–650.
2. *Boldyrev N. N.* Antropocentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funkciyah, edinichah i kategoriayah // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2015. – № 1 (042). – S. 5–12.
3. *Vezhbickaya A.* Yazyk. Kul'tura. Poznanie. – M. : Russkie slovari, 1996. – 411 s.
4. *Kravchenko A. V.* Yazyk i vospriyatie: kognitivnye aspekty yazykovoj kategorizacii. – Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1996. – 160 s.
5. *Krongauz M. A.* Semantika. – M. : Akademiya, 2005. – 398 s.
6. *Linevich N. Yu.* Mestoimennye obrashcheniya v shvedskom i anglijskom yazykah // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. – 2009. – Vyp. 2. – S. 54–58.
7. *Napol'nova E. M.* Ukazatel'nye mestoimeniya v tureckom yazyke // Uralo-altajskie issledovaniya. – 2014. – № 1(12). – S. 67–74.
8. *Popova M. I.* Yazykovye sredstva vkl'yucheniya/isklyucheniya ob'ekta opisaniya iz perceptual'nogo prostranstva govoryashchego // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2016. – Т. 14, № 2. – С. 40–48.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо. – М. : Наука, 2006. – 557 с.
10. *Atkaya K.* İsim kısaltmaları kaşındırıyor. – URL : <http://www.hurriyet.com.tr/isim-kisaltmalari-kaşındırıyor-10844765>.
11. *Boesch E.* Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. – Berlin : Springer-Verlag, 1991. – 380 p.
12. *Clark H.* Space, time, semantics, and the child // Cognitive development and the acquisition of language / Ed. by T. E. Moore. – N. Y. ; London : Academic Press, 1973. – P. 27–63.
13. *Newman J.* The linguistics of giving. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – 373 p.
14. Türk Dil Kurumu. – URL : <http://www.tdk.gov.tr>.

The article was contributed on February 15, 2021

Сведения об авторе

Напольнова Елена Марковна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: elenapolnova142@mail.ru

Author information

Napolnova, Elena Markovna – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: elenapolnova142@mail.ru